

Оригинальная статья / Original article

УДК 373(571.53)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-155-166>

Повышение квалификации учителей в Иркутске в начале XX века

© Л.В. Гарашченко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Глубокое изучение культурно-образовательных традиций российских регионов, обращение к богатейшему педагогическому наследию ушедших поколений относятся к числу приоритетных направлений научного поиска и являются одним из условий модернизации отечественного образования. В статье на основе анализа разноплановых историко-педагогических источников рассматриваются вопросы обеспечения учебных заведений Иркутска квалифицированными учителями в дореволюционный период. Приводятся примеры, иллюстрирующие остроту проблемы, существовавшей на протяжении нескольких десятилетий. В поисках путей утolenия «кадрового голода», учебное начальство Иркутской губернии и администрация школ поощряли практику совместительства, допускали к преподаванию чиновников и специалистов с техническим образованием, приглашали на работу в регион выпускников столичных вузов, учителей из других российских территорий. Педагогическим сообществом Иркутска в начале XX в. прилагались немалые усилия, чтобы повысить уровень общей образованности, квалификации и профессионального мастерства учительского персонала. Наиболее упорядоченной формой повышения квалификации педагогических кадров оказались кратковременные летние курсы. Отражены специфика содержания образовательных программ для учителей муниципальных и церковно-приходских школ, организация познавательного досуга слушателей.

Ключевые слова: история образования, педагогические кадры, повышение квалификации учителей, педагогическое просвещение, публичные педагогические лекции, летние педагогические курсы, самообразование, познавательный досуг, Иркутск

Информация о статье: Дата поступления 14 мая 2019 г.; дата принятия к печати 17 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 сентября 2019 г.

Для цитирования: Гарашченко Л.В. Повышение квалификации учителей в Иркутске в начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 3. С. 155–166. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-155-166

Advanced training of teachers in Irkutsk at the beginning the XX century

© Liubov V. Garashchenko

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract: A deep studying of cultural and educational traditions of Russian regions, the appeal to the rich pedagogical heritage of past generations are one of the priority lines of scientific search and are one of conditions of modernization of public education. In the article on the basis of the analysis of versatile historical and pedagogical sources questions of providing educational institutions of Irkutsk by the qualified teachers during the pre-revolutionary period are considered. The examples illustrating acuteness of the problem are given. This problem existed for several decades. The educational administration of the Irkutsk province and administration of schools undertook different measures to solve a problem of understaffing. It was allowed to teachers of state schools to work in several educational institutions. Officials and specialists with the higher technical education could teach at schools. Graduates from metropolitan universities and teachers from other Russian territories were invited to work in the region. The pedagogical community of Irkutsk at the beginning of the 20th century made considerable efforts to increase the level of the general education, qualification and professional skill of teacher's personnel. Short-term summer courses were the most ordered form of professional development for teachers. The author reflected specifics of contents of

educational programs for teachers of municipal and parish schools, told about the organization of informative leisure of listeners.

Keywords: history of education, teaching staff, advanced training of teachers, pedagogical education, public pedagogical lectures, summer pedagogical courses, self-education, cognitive leisure, Irkutsk

Article info: Received May 14, 2019; accepted for publication June 17, 2019; available online September 30, 2019.

For citation: Garashchenko L.V. 2019. Advanced training of teachers in Irkutsk at the beginning the XX century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 3. Pp. 155–166. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-155-166

Как и в наши дни, в дореволюционный период проблема обеспечения иркутских школ квалифицированными педагогическими кадрами оставалась злободневной на протяжении многих десятилетий. Об этом свидетельствуют упоминания, точно отложившиеся в мемуарной литературе, материалах из фондов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Иркутской области (документация учебной администрации региона, ежегодные отчеты руководителей казенных и частных училищ, переписка по поводу принятия на работу преподавателей и утверждения их в должности и др.), а также многочисленные публикации в местной прессе. Так, директор училищ Иркутской губернии К.П. Бобановский, представляя в 1850 г. в Министерство народного просвещения общие сведения о подведомственных ему школах, подчеркивал, что Иркутск «весьма много» терпел «от некомплекта учителей», и «иногда эти учительские вакансии не бывают замещены более года» (РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 76. Л. 5 об., 6). Да и те, кто работал в то время в учебных заведениях, далеко не всегда в должной степени владели профессиональным мастерством. В воспоминаниях одного из выпускников губернской гимназии находим яркие наброски-портреты: учитель естественной истории П.П. Кибальчич «имел весьма слабое представление о предметах, которые взялся преподавать, и никогда не пытался ничего объяснять, ограничивался стереотипными «отсюда и досюда», у преподавателя русского и латинского языков А.Е. Стратиницкого «голос... был какой-то заунывный, наводящий тоску, а потому и на уроках его было до тошноты скучно», в контрасте с ним дру-

гой словесник – А.А. Никонов, «человек талантливый и добрый, превосходный чтец и поэт... умел передавать голосом и мимикой характеры действующих лиц и часто вызывал гомерический хохот у слушателей» (Муромов, 2015. С. 436, 438, 439). А вот как описывал одного из своих педагогов публицист, историк С.С. Шашков, обучавшийся в Иркутской духовной семинарии: «Математику преподавал один из лучших учителей, Иван Петрович Токарев, человек очень порядочный, но вспыльчивый до бешенства. Предмет свой он хорошо знал, но преподавать положительно не умел, мы ничего не понимали и долбили алгебру с геометрией наизусть. Непонимание ученика выводило Токарева из себя, он бегал по классу, как бешеный, ругался площадными словами и, наконец, бросался бить ученика...» (Автобиография С.С. Шашкова // Восточное обозрение. 1882. 21 октября. С. 13).

В начале XX в. на нехватку в регионе учителей с необходимым образовательным цензом указывал уже историк, преподаватель и директор Иркутского учительского института А.И. Линьков, тоже приводя живописные примеры тех персоналий, кому иногда было доверено дело воспитания и обучения подрастающего поколения (Линьков, 1912). В официальных документах встречаются упоминания, что порой «воспитание детей велось малограмотными дядьками. Дядьки эти предавались пьянству и разврату, учили этому же воспитанников» (Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска, 1902. С. 128), или, например, что «значительная часть преподавателей и даже директор не имеют необходимого по уставу о гимназиях научного ценза» (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 883. Л. 90).

Привычным явлением были поиски руководителями школ кандидатов на имевшиеся вакансии. На работу в образовательные учреждения региона нередко зазывали выпускников из Европейской России. Практически постоянно в газетах можно было встретить объявления подобного рода: «Лица, желающие занять должность учителя или учительницы в школе общества приказчиков, [пусть] благоволят заявить о своем желании до 10 августа с[его] г[ода] школьному комитету общества приказчиков, с представлением надлежащих документов. Вознаграждение учителю или учительнице 600 руб. в год» (Восточное обозрение. 1899. 1 августа). При этом даже если и находился человек, имевший намерение занять вакантное место, не было никакой гарантии, что он будет допущен к работе учебным начальством губернии, будучи избалован в неблагонадежном поведении. Как это произошло, к примеру, с учительницей П.Н. Скрипкиной из Красноярской женской гимназии, которую в 1911 г. пригласили преподавать в гимназии Е.А. Горцейт. П.Скрипкиной позволили работать в заведении Е.А. Горцейт только до конца учебного года, поскольку она была уличена в революционной деятельности: в 1908–1910 гг. находилась под гласным надзором полиции в г. Сольвычегодске Вологодской губернии, участвовала в сходках ссыльных, хранила у себя нелегальную литературу. П. Скрипкину (до замужества Ковалеву) вологодский губернатор дважды подвергал взысканиям по обязательному постановлению: первый раз – к двухнедельному тюремному заключению, второй раз – в течение месяца (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 243. Л. 42, 47, 47 об.). Впрочем, причины отказа могли и вовсе не называться. «Имею честь уведомить Ваше Высокородие, – говорится в письме иркутского губернатора от 12 октября 1898 г. под грифом «секретно», адресованном директору народных училищ губернии, – что в виду имеющихся сведений об Ольге Портновой, допущение ее учительницей еврейского училища нежелательно, как о том сообщил Департамент полиции» (ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 237. Л. 31).

В какой-то мере снижению напряженности с кадровым обеспечением образовательных учреж-

дений способствовала практика совместительства – многие учителя работали одновременно в нескольких заведениях. Так, Д.Я. Раймбаум в 1915 г. преподавал физику в казенной мужской гимназии, частных гимназиях Е.А. Горцейт и А.М. Григорьевой, средней школе общества «Иркутские общедоступные курсы», а также в промышленном училище; художница-педагог М.Н. Бабановская в 1914–1915 гг. обучала детей рисованию в Сиропитательном доме Е. Медведниковой, гимназии В.С. Некрасовой и прогимназии М.В. Гайдук; М.Ф. Беляев-Сергеев в 1911 г., будучи в штате духовной семинарии, преподавал словесность в старших классах 1-й и 2-й женских гимназий имени И.С. Хаминова, а также психологию в 7 классе частной женской гимназии В.С. Некрасовой.

Утоление «кадрового голода» зачастую осуществлялось и за счет привлечения к преподаванию в учебных заведениях Иркутска государственных служащих, которые, как правило, имели высшее (не педагогическое) образование. Среди учителей местных училищ встречаются имена представителей самых разных профессий и должностей: инженер-техник Забайкальской железной дороги А.Ф. Обидзинский (окончил институт императора Николая I в Санкт-Петербурге) вел уроки математики в женской гимназии С.Е. Детишевой и С.К. Протасовой (1907–1911 гг.), состоял преподавателем по найму в горном училище (1912 г.); инженер-механик Л.Я. Ферштер, выпускник Томского технологического института, в 1915 г. вел математику и физику в гимназии Е.А. Горцейт и прогимназии М.В. Гайдук; судья Иркутского военно-окружного суда П.М. Быстрицкий, имевший диплом Александровской военно-юридической академии, в 1911–1912 гг. обучал математике учениц гимназии В.С. Некрасовой, а до этого преподавал в иркутских горном (1902–1909 гг.) и пехотном юнкерском (1909 г.) училищах. Таких примеров предостаточно.

Особенно плачевно обстояли дела с подбором учительского персонала в некоторых начальных школах, которые содержались религиозно-национальными общинами. В городе с большим трудом находили тех, кто мог работать с детьми в

национальных школах, да еще в условиях билингвального обучения. К примеру, в магометанском училище (медресе) в 1909 г. законоучителем был «почти неграмотный» Мухамет Гарыф Баймуратов, который по-русски мог «подписать только одну свою фамилию» (Гаращенко. 2018а. С. 192). В еврейском начальном бесплатном училище преподавание еврейских предметов (чтение, письмо, Закон Веры) принял на себя Иона Григорьевич Гольдберг – молодой иркутский мещанин, имевший лишь домашнее образование и занимавшийся садоводством (Войтинский, Горнштейн, 1915). По просьбе членов еврейской общины он согласился сдать надлежащий экзамен и, получив свидетельство меламеда, состоял в должности учителя с 1897 по 1916 г.

Обращаясь к жителям Иркутска, еврейская община почти ежегодно подавала объявления о приеме на работу педагогов: «Учителя или учительницы нужны для занятий в еврейском училище. Необходимы солидная теоретическая подготовка и школьная практика...» (Сибирь. 1917. 18 апреля). В январе 1909 г. одна из газет сообщала: «На пустующую вот уже более трех месяцев вакансию учительницы местного еврейского училища попечительн[ым] советом этого училища приглашена бывшая учительница Нижнеудинской женской гимназии г-жа Маслова, об утверждении которой в должности уже сделано соответствующее представление» (Сибирь. 1909. 25 января). Но уже в октябре того же года в еврейской школе, где обучалось на тот момент свыше 250 человек, «за выездом из Иркутска двух преподавателей училища по еврейским предметам, преподавание этих предметов временно, впредь до приискания учащихся» было вновь прекращено (Сибирь. 1909. 27 октября).

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что при наличии в городе учительских вакансий бывали случаи, когда женщины – претендентки на преподавательские места – не могли трудоустроиться. Об этом, в частности, в 1884 г. рассказала газета «Сибирь»: «Нам передают, что сибирячки, бывшие на высших женских (Бестужевских) курсах, не находят себе занятий на

родине. Одна из них перед началом нынешнего учебного года напрасно искала себе места учительницы в здешних учебных заведениях, хотя изъявляла готовность давать уроки даже бесплатно; другая, возвратившаяся по окончании курса в Красноярск, также не нашла там места и должна была уехать в Петербург. Неужели наши землячки получают высшее образование для того только, чтобы потерять возможность приносить пользу на своей родине» (Сибирь. 1884. 18 ноября).

Тенденция эта имела место и в начале XX в. В газете за 1908 г. нам встретилось такое объявление: «С.Ф. Попова жел[ает] пол[учить] солидный урок» (Сибирь. 1908. 22 мая). Оно удивило, поскольку Софья Феофановна Попова на тот момент была достаточно известна в городе и имела хорошую профессиональную репутацию. В 1888–1896 гг. работала учительницей в Троицком отделении училища имени А.М. Кладищевой, «пользовалась одобрением педагогического начальства и любовью детей, находившихся на ее попечении» (Предоставление гор[одской] стипендии на высших женских курсах С.Ф. Поповой, 1897. С. 757). Позднее окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге по историко-филологическому отделению (1901 г.). Дума Иркутска предоставила ей на все время пребывания на курсах городскую стипендию, учрежденную в память 300-летия присоединения Сибири к России. С.Ф. Попова преподавала географию и русский язык в гимназии В.С. Некрасовой (1904–1905 гг.), состояла учительницей во 2-й женской гимназии имени И.С. Хаминова (1905–1906 гг.), с 1907 г. преподавала русский язык и историю, была классной наставницей в гимназии Е.А. Горцейт. А в 1907–1908 гг. ей пришлось давать частные уроки по предметам гимназического курса, обучать желающих выразительному чтению и декламации (Гаращенко, 2018b. С. 597–598).

Однако нередко в газетах можно было встретить объявления, которые подавали соискатели-мужчины: «Учитель ищет уроков. Спросить в библиотеке на Детской площадке» (Сибирь. 1910. 18 февраля), «Опытный учитель,

хорошо знакомый с методами преподавания, желает иметь хороший урок, а также предлагает свои услуги для занятий с малоуспевающими детьми» (Сибирь. 1908. 6 мая) и т. д.

Стоит сказать, что профессионализм школьного персонала постоянно находился и в фокусе внимания городского общества. Справедливой критике подвергалась в целом постановка учебного дела в большинстве казенных училищ: формализм, зубривание, рецептурный характер преподавания, отсутствие в обучении детей «трудового начала» (Сибирь. 1908. 27 февраля), самодеятельности, творчества и др. Подмечались казусы и недоразумения, причины которых обычно крылись в недостаточной образованности и даже невежестве педагогов. Так, в 1881 г. газета повествовала: «Мы слышали, что в одном из иркутских учебных заведений приглашенная учительница, столкнувшись с методой зубрения, практиковавшейся до нее, пожелала навести учеников беседами с ними в классе на более толковое объяснение прочитанного, что весьма не понравилось надзирательнице, так что после одного из уроков, где учительница объясняла ученикам о земле и о звездах и упомянула, между прочим, о том, что наука о земле называется географией, – та не выдержала и после классов, в весьма грубых формах, сделала учительнице такого рода замечание: «Какие это вы там, матушка, науки читаете, только время у ребят отнимаете. Разве не знаете, что у них к балу-базару еще чулки не связаны?» (Сибирь. 1881. 25 января).

В 1905 г. заметка «Из копилки педагогических курьезов» рассказала о том, что ученики одной иркутской школы, желая подшутить над преподавателем черчения, сделали такой фокус. «Лучший чертежник» сделал в трех экземплярах чертеж. Работы были сданы преподавателю тремя разными учениками. Результаты этой шалости были неожиданными: один получил отметку «5», другой – «4+», третий – «3 с минусом». При этом последний экземпляр был выполнен лучше других. «5-балльная система отметок оказалась весьма чутким барометром субъективных настроений преподавателя», – резюмировало издание (Восточное обозрение. 1905. 8 февраля).

Критиковалась и крайне слабая подготовка учеников в некоторых частных заведениях, куда чадолюбивые родители отдавали на обучение своих отпрысков, не выдержавших испытания при поступлении в казенные училища. В анонимных жалобах, поступавших на имя Главного инспектора училищ Восточной Сибири, горожане сетовали, что частные школы «за мзду» учеников принимают на учебу и «за мзду» переводят их в следующие классы (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 883. Л. 89 об.).

Безусловно, было бы неверным утверждать, что акцент делался лишь на негативных фактах. Местная пресса старалась как можно шире информировать иркутян о прогрессивных методах и современных подходах, имевших место в работе конкретных учителей и учебных заведений, реализуя тем самым функцию педагогического просвещения населения, в том числе работников школ. Чаще всего подобные заметки можно было встретить в разделе «Хроника». Так, в марте 1912 г. горожанам рассказали об одном из способов применения наглядного метода обучения в гимназии А.М. Григорьевой: «...К.О. Ангером было сделано объяснение о том, как собирать и коллекционировать насекомых. Были показаны соответствующие приборы и коллекции, собранные Ангером в Закаспийской области. Объяснения заинтересовали учениц, и многие из них тут же вели в своих тетрадках записи. В конце апреля и в начале мая предполагается совершить несколько экскурсий в окрестности города, в целях показать на практике способы собирания насекомых» (Сибирь. 1912. 7 марта). Говорилось также, что в этой гимназии постановка учебного дела осуществляется «по типу петербургских гимназий Таганцевой и Стоюниной» (Восточное обозрение. 1902. 17 августа). Об организации учебно-воспитательного процесса в частном начальном училище общества «Просвещение», вступившем «на новые пути в педагогию», в 1915 г. подробно рассказала «Иркутская жизнь». Среди многих аргументов, подтверждавших тезис, что преподавание в этой школе «приближается к идеальным формам педагогического дела», имеется указание: дети с первого отделения попадают в настоящую трудовую обстановку, учебников нет,

вместо них – пособия, которые «подбираются и составляются самими учащимися» (Иркутская жизнь. 1915. 27 мая). Подобные публикации не могли не вызвать у педагогов, интересовавшихся новыми механизмами преподавания, настойчивого желания лично ознакомиться с инновационной образовательной практикой.

Заметным явлением в педагогической среде Иркутска в первые десятилетия XX в. стали бесплатные публичные лекции по педагогике и методике преподавания отдельных учебных предметов. Инициатива организации таких лекций с целью пропаганды среди учителей передовых методов обучения и воспитания принадлежала А.Э. Третьяковой – признанному иркутянами деятелю в сфере народного образования и внешкольного воспитания детей, учредителю «Семейной школы» – частного учебного заведения нового типа. Аделаида Эдуардовна поражала всякого, кто с ней встречался, многосторонностью знаний в области педагогических теорий. Характеризуя ее ораторские способности, современники отмечали, что «лектрисса владела полным вниманием аудитории» (Сибирь. 1908. 4 марта), сопровождая слово световыми картинками с помощью «волшебного фонаря» и демонстрируя пособия для уроков и детских игр.

Публичные лекции, тематика которых для того времени была необычайно нова и интересна («Характерные особенности новых школ, их задачи и методы преподавания», «Детское творчество и его проявление», «Новейшие методы преподавания арифметики и их практическое применение в школе», «О новых методах начального преподавания грамоты» и др.), быстро завоевали популярность (Гаращенко, 2017). Их посещало большое количество слушателей: учителя городских школ, родители, обыватели. Проходили мероприятия в центре Иркутска – в музее ВСОИРГО или в помещении «Семейной школы», что также привлекало, а не отталкивало интересовавшихся педагогическими вопросами горожан.

В январе 1917 г. на базе «Семейной школы» были организованы краткосрочные коммерческие курсы по актуальным вопросам воспитания (плата за полный курс составила 15 руб.). Заниматься изъ-

явили желание более 90 слушателей, в том числе несколько мужчин. Лекции по педагогике, истории развития педагогических идей, о физиологических и психологических особенностях детей разного возраста, методике организации игровой и художественной деятельности учащихся читали наиболее квалифицированные специалисты – лучшие педагогические силы города. Среди них: председатель правления Иркутского учительского общества В.Л. Теремец, доктор П.И. Федоров и И.О. Бронштейн, художник-педагог И.Л. Копылов, городской архитектор К.В. Миталь, окончившая курсы П.Ф. Лесгафта в Петрограде М.С. Дмитриева и др. Подобная форма повышения квалификации педагогов имела место в зарубежной практике (Loeb I.H., Gustavsson S., 2018).

Платные курсы были не по карману большинству представителей иркутского учительства. Тем более что существовала альтернатива: в местной периодической печати начала XX в. постоянно встречаются краткие сведения о летних учительских курсах (или съездах), которые проходили в столице губернии почти ежегодно.

История появления этой формы повышения квалификации педагогов имеет довольно глубокие корни. Она зародилась в Центральной России во второй половине XIX в. Как утверждает в одной из публикаций в «Журнале Министерства народного просвещения», «сближение... учителей, с целью поучиться один у другого или всем сообща, возникло само собой и по необходимости» – оно решало две главные задачи: 1) практическое ознакомление учителей с лучшими современными способами как начального, так и дальнейшего обучения детей; 2) «возвышение уровня собственного образования наставников, столь необходимого для толковой и успешной их деятельности» (Летние учительские съезды и курсы, 1873. С. 30, 33–34).

Чтобы избежать стихийности, сделать устройство учительских курсов упорядоченным и целесообразным, обеспечить слушателям максимальную пользу от участия в таких мероприятиях, Министерство народного просвещения разработало и 29 ноября 1870 г. направило учебному начальству

российских регионов для исполнения особый циркуляр, включавший ряд правил: учительские съезды следовало назначать только в период летних или зимних вакаций; занятия учителей на съездах, для большего их успеха, должны были быть закрытыми; программы занятий необходимо было предварительно составить и согласовывать их с попечителем учебного округа; на руководителей съездов возлагалась обязанность делать отчеты о проходивших занятиях, но без критического их разбора; подготовленные таким образом отчеты следовало препровождать попечителю учебного округа, копии с них направлять в уездные советы местных губерний, а также всем учителям, присутствовавшим на съезде (Летние учительские съезды и курсы, 1873).

Лишь 5 августа 1875 г. министр народного просвещения утвердил «Правила о временных курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ». Цели курсов были поставлены достаточно конкретно: ознакомить малоподготовленных учителей с лучшими способами обучения, обновить и пополнить знания учащихся по преподаваемым ими дисциплинам и вообще усовершенствовать их в вопросах начального образования. Документ четко регламентировал организационные и методические аспекты деятельности курсов. Принципиально важными были следующие положения:

– местом проведения курсов, которые устраивались только с разрешения попечителя округа, должны были становиться преимущественно учительские семинарии или другие городские училища, устроенные «на новых началах» и обладавшие необходимыми для курсов учебными пособиями и руководствами;

– расходы по устройству курсов (проезд и содержание учителей, приобретение учебных пособий, вознаграждение труда руководителей курсов и главного наблюдателя) следовало принимать на себя уездным училищным советам (равным образом такая прерогатива могла быть отдана земству, другим учреждениям и отдельным лицам – по их желанию);

– при курсах, на все время их продолжения (от четырех до шести недель), для проведения практических занятий нужно было устраивать образцовую школу, с учениками, «различно подготовленными и частью вовсе неграмотными» (Правила о временных педагогических курсах для учителей..., 1875. С. 167);

– предварять занятия должно было письменное анкетирование слушателей: о состоянии школы, где они преподают, об употребляемых ими способах преподавания, о «своем воспитании», времени поступления на должность и получаемом содержании;

– на основании полученных сведений, а также с учетом указания инспектора народных училищ, в чем именно слабы съехавшиеся учителя, руководителям курсов предписывалось составлять подробные программы и расписание занятий;

– занятия должны были проходить ежедневно, кроме праздников, не менее шести часов и распределяться на практические (утренние, в образцовой школе) и теоретические (вечерние, в помещении того заведения, где устроены курсы);

Практические занятия, цель которых – познакомить слушателей с методикой организации учебной деятельности детей на занятиях в начальной школе, предусматривали несколько показательных уроков, которые давал сам руководитель курсов в присутствии слушателей. А затем они, поочередно, занимались преподаванием в образцовой школе под непосредственным наблюдением руководителей и в присутствии курсантов. Для пробных уроков учителя готовили конспекты, которые предварительно обсуждали с руководителями курсов. Теоретические (вечерние) занятия категорически запрещалось вести в виде чтения лекций. Они должны были иметь форму бесед со слушателями, но идти всегда по заранее обдуманному плану: а) сообщение сведений по тем предметам, изучаемым в начальных училищах, по коим у слушателей выявлены слабые знания; б) сообщение общих основ дидактики (порядок устройства и распределения занятий, ведение

школьной документации, поддержание дисциплины в классе); в) ознакомление с прогрессивными методами обучения; г) презентация и анализ лучших учебников по предметам; д) ознакомление с изданиями и журнальными публикациями по вопросам народного образования, а также «с отрывками более серьезного педагогического содержания» (Правила о временных педагогических курсах для учителей..., 1875. С. 170). Равным образом предписывалось указывать на те сочинения, которые могли служить для чтения и дальнейшего «научного самообразования» учителей по возвращении их с курсов.

Экзамены не проводились («нет надобности»). Каждый из слушателей получал от педагогической комиссии свидетельство с аттестацией о занятиях на курсах.

Как и другие циркуляры, «Правила о временных курсах для учителей...» неукоснительно соблюдались на просторах Российской империи. Об этом свидетельствуют опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» отчеты о проходивших педагогических курсах в разных регионах: в 1881 г. – в Миргороде, Гадяче и Кременчуге (Педагогические курсы учителей и учительниц начальных народных училищ..., 1882. С. 36–60), в 1882 г. – в Пензенской губернии (Педагогические курсы для преподавателей начальных народных училищ..., 1884. С. 17–30) и др. Вопросы организации летних учительских курсов в отдельных территориях нашли отражение в трудах современных исследователей: в Самарской губернии (Сумбурова, 2008), Симбирской (Сергеев, 2010), Вятской, Казанской и Нижегородской губерниях (Помелов, 2018) и др.

К сожалению, несмотря на то, что в последнее десятилетие вышел ряд научных работ, посвященных истории развития образования в Иркутске (Понятовская, 2009; Оглезнева, Семенова, 2012; Терновая, Терновой, 2011; Щеблякова, 2006¹

и др.), рассматриваемые нами аспекты пока не получили достаточного освещения в публикациях иркутских ученых. В одной из более ранних публикаций мы рассказали лишь о двухгодичных педагогических курсах, которые занимались подготовкой молодых людей, имевших низшее образование, к испытанию на звание учителя начального училища (Гаращенко, 2014). Но то, что такая форма повышения квалификации педагогов – летние курсы – здесь успешно реализовывалась, можно утверждать однозначно: Иркутск, который связывали довольно прочные образовательные связи с Санкт-Петербургом, не мог оставаться в стороне от прогрессивных тенденций и методов. Это удостоверяет ряд документов Государственного архива Иркутской области (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 172, 297; Оп. 6. Д. 34) и газетная хроника, запечатлевшая такие события.

Наиболее широко деятельность кратковременных летних педагогических курсов в Иркутске начала освещаться в прессе в конце XIX – начале XX в. Известно, что в 1900 г. такие курсы проходили на базе училища П. Пономарева в Знаменском предместье с 1 по 30 июля. Повысить уровень профессиональной компетентности получили возможность учителя народных школ Иркутской губернии, подведомственных Министерству народного просвещения. Программа курсов, как и полагалось, в полной мере соответствовала установленным правилам. На торжественном мероприятии по случаю закрытия курсов присутствовали не только представители училищной администрации региона, но и иркутский военный генерал-губернатор А.И. Пантелеев, который лично обращался к слушателям с разными вопросами. И хотя в целом организация курсов была признана удачной (в распоряжении курсистов были довольно объемная педагогическая библиотека, всевозможные коллекции и другие учебные пособия, необходимые для наглядного обучения; была организована особая народная школа из учеников соседних школ и совер-

¹ Щеблякова Е.Н. Состояние образования и проблема учительства Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века): дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2006. 174 с.

Shchablyakova Ye.N. The state of education and the problem of teaching East Siberia (the second half of the XIX – early XX century). Diss. ... cand. of ped. sci.. Irkutsk, 2006. 174 p.

шенно неграмотных новичков. Приехавшие, кроме бесплатной квартиры в общежитии, безвозмездно пользовались работой прислуги и обедами, освещением – персональной свечкой, плюс каждому полагался рубль в месяц на чай), слушатели высказали сожаление, что не увидели ни одного образцового урока по Закону Божию: по их мнению, четыре урока священника о. А. Азлецкого нельзя было считать «вполне образцовыми, как не занимавшегося в начальной школе» (Восточное обозрение. 1900. 3 августа). Замечание было принято к сведению, тем более что денежные средства, выделявшиеся на проведение курсов, были казенными. В 1910 г., например, на эти цели главный инспектор Восточной Сибири Г.П. Василенко только в распоряжение инспектора народных училищ III района (г. Киренск) ассигновал 332 руб. (Сибирь. 1910. 20 января).

Несколько иначе были устроены курсы для учителей церковно-приходских школ, на организацию которых в разные годы духовное ведомство давало от двух до четырех тысяч рублей (Восточное обозрение. 1899. 30 мая). Рассмотрим их специфику на примере курсов, состоявшихся летом 1901 г. Занятия проходили в здании Преображенского церковно-приходского училища (ранее для этого задействовали корпус духовной семинарии) и находились под прямым контролем епархиального наблюдателя И.Л. Брызгалова. Инспектором курсов был назначен уездный наблюдатель школ священник Д.Н. Гагарин, лекторами – священник Н. Шастин (Закон Божий), учитель Сиропитательно-ремесленной школы Д.Ф. Никифоров (методика русского языка) и Б.И. Тофт (методика арифметики). Усиленное внимание, как и в прошлые годы, было уделено урокам церковного пения: они занимали $\frac{2}{3}$ всех занятий. Именно по этому предмету слушатели сдавали специальный экзамен, который имел две категории: первая давала право преподавать пение в начальной школе, вторая – право организации церковных хоров, то есть обретение прав регента. Оттого для преподавания уроков церковного пения были приглашены ответственные лица – учитель Хаминовского училища для слепых детей, член Иркутского общества любите-

лей музыки и литературы С.П. Грессеров и преподаватель духовного училища И.П. Кокоулин (Восточное обозрение. 1901. 10 июля). А в 1909 г. такую обязанность на себя принял регент И.П. Райский, получивший звание при придворной капелле в Санкт-Петербурге. Примечательно, позднее, в 1917 г., в Иркутске даже были образованы платные регентско-учительские курсы под руководством Н.М. Уварова. Стоимость обучения составляла 20 руб. Преподавались элементарная теория музыки, гармония, сольфеджио, церковное и светское хоровое пение, методика школьного пения (Сибирь. 1917. 18 апреля).

Условия, в которых находились вызванные в 1901 г. на курсы педагоги церковно-приходских школ Иркутского, Балаганского, Верхнеудинского и Киренского уездов, были гораздо скромнее, чем у «министерских» учителей. Мужчины квартировали в общежитии при Вениаминовской школе, где им на 18–20 человек выдавалась только одна свеча. Каждый ежедневно на питание получал по 20 коп. Женщины, разместившись во флигеле Сиропитательного дома, хоть и жаловались на скученность, но пользовались готовым содержанием, состоявшим из обеда, завтрака, вечернего и утреннего чая.

Однако спектр занятий на церковно-приходских курсах был значительно расширен: для желающих были начаты уроки музыки (скрипка) и рукоделия. Озаботились руководители курсов и организацией познавательного досуга слушателей (их насчитывалось 75 человек, а с вольнослушателями – около 100). Для «доставления развлечений» (Иркутские губернские ведомости, 1901, 6 июля) им устраивали поездку на Байкал, музыкально-литературные и танцевальные вечера, экскурсию в магнитно-метеорологическую обсерваторию, где директор обсерватории А.В. Вознесенский давал курсистам подробные объяснения о конструкции и назначении приборов для наблюдения погоды. Позднее, в 1909 г., слушателям были предложены и иные образовательные мероприятия – лекции «о вреде пьянства, о борьбе с пьянством и организации обществ трезвости» (Восточная заря. 1909. 17 июля), поход в Сукачевскую картинную галерею. При этом В.П. Сукачев давал надле-

жащие объяснения, а по окончании встречи напоил курсистов чаем. Запоминающимся событием стала экскурсия на городские каменоломни. Здесь школьные учителя наглядно ознакомились с производством работ по добыванию камня, а также с различными растениями и отпечатками их на камне. На обратном пути они посетили дачу Иркутского общества охотников, осмотрели окрестную флору. Были еще научные экскурсии на Кайскую гору и в музей ВСОИРГО.

Нельзя не упомянуть, что к 1909 г. изменилась и сама программа курсов. Теоретическую часть наполнили лекции по предметам «Дидактика», «Существенные вопросы из общей педагогики», «История педагогики», «Методика родного языка» (лектор К.В. Ельницкий), «Педагогическая психология» (лектор М.Ф. Беляев), «Природоведение» (лектор В.Ч. Дорогостайский), «Гигиена» (лектор – врач духовной семинарии Н.Н. Петров) (Сибирь. 1909. 3, 5, 29 июля). В целях более прочного усвоения сообщаемой на лекциях информации слушателям вменили в обязанность представлять отчеты в виде конспектов и рефератов по отдельным вопросам преподавания, а также в виде отзывов на учебники и о требованиях к учебным пособиям.

Вероятно, принимая за основу ставшую сегодня аксиоматической формулу, провозглашенную теоретиком педагогики Н.Х. Весселем еще в 1859 г.: «Никто не может дать другому того, чего у него самого нет; так же точно никто не может развить, воспитать, образовать другого, если он сам не развит, не воспитан, не образован» (Вессель, 1959. С. 66), члены правления Иркутского учительского общества также подключились к организации работы по расширению эрудиции, повышению уровня общей образованности сельских учителей, приезжавших летом на курсы в столицу региона. Вос требованными оказались экскурсии в гимназию А.М. Григорьевой для осмотра рукодельных работ, педагогический музей общества «Просвещение»,

на пчельник в роще «Звездочка», на мельницу (Сибирь. 1914. 25 мая) и др. Учителя получили возможность послушать доклады о «новом методе» обучения, обменяться опытом и мнениями о методике преподавания.

Несмотря на отдаленность Иркутска от центра страны, некоторым учителям выпал шанс съездить на курсы в российские столицы или даже побывать за границей, командировавшись за казенный счет или на средства общественных организаций. На поездку каждому выделялось от 100 до 400 руб., а избрание кандидатов шло путем закрытой баллотировки. Перечислим несколько направлений, по которым в начале XX в. прошли курсовую подготовку иркутяне: постановка учебного дела и воспитание слепых, организация внешкольного воспитания детей, учебно-воспитательное дело в детских садах (Иркутские губернские ведомости. 1901. 23 мая; Сибирь. 1911. 17 апреля. 12 августа) и др.

Даже в период неустойчивой политической обстановки 1917–1919 гг. губернская учебная администрация изыскивала средства и возможности для организации курсов повышения квалификации педагогических работников. В 1917 г. для учителей начальных училищ были устроены двухнедельные политико-педагогические курсы (ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 877), а в 1918 г. на проведение курсов было запланировано 25 тыс. руб. (Сибирь. 1918. 13 августа).

Таким образом, все сказанное выше ярко иллюстрирует преемственность региональных образовательных традиций, способствуя сохранению исторической памяти и актуализации прогрессивного педагогического опыта ушедших поколений, заложившего прочный фундамент развития в Иркутске системы подготовки педагогических кадров и дополнительного профессионального образования учителей.

Библиографический список

Вессель Н.Х. О необходимости введения народной системы образования и предварительных для этого занятий // Педагогические сочинения. Очерки об общем образовании и системе народного образования в Рос-

References

Vessel' N.Kh. 1959. On the need to introduce a popular education system and preliminary classes for it. *Pedagogicheskie sochineniya. Ocherki ob obshchem obrazovanii i sisteme narodnogo obrazovaniya v Rossii*

сии / сост. В.Я. Струминский. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 47–67.

Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: Типография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 393 с.

Гаращенко Л.В. А.Э. Третьякова и ее «Семейная школа» в Иркутске // Педагогический ИМИДЖ. 2017. № 1. С. 5–13.

Гаращенко Л.В. Организация подготовки учительских кадров в Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. 2014. Вып. 20. С. 63–67.

Гаращенко Л.В. Частные национальные школы в Иркутске (середина XIX – начало XX в.) // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2018a. Вып. 4 (22). – С. 187–196.

Гаращенко Л.В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Оттиск, 2018b. 672 с.

Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска // Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 год. Иркутск: Губернская типография, [Б/г]. С. 117–147. (1902)

Летние учительские съезды и курсы // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. CLXVIX. Сентябрь. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1873. С. 30–49.

Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. 1912. № 7. С. 505–543.

Муромов И.Г. Картинки из детства // «Не забывайте рода своего...» / Отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск : Репоцентр А1, 2015. С. 422–446.

Оглезнева Г.В., Семенова Л.А. Народное образование // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. С. 197–212.

Педагогические курсы для преподавателей начальных народных училищ Пензенской губернии в 1882 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. ССXXXIV. Июль. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1884. Отд. IV. С. 17–30.

Педагогические курсы учителей и учительниц начальных народных училищ в гг. Миргороде, Гадяче и Кременчуге в 1881 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССXXXIII. Сентябрь. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1882. Отд. IV. С. 36–60.

Помелов В.Б. Учительские съезды и курсы в рос-

[Pedagogical writings. Essays on general education and the public education system in Russia]. Moscow: State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR. Pp. 47–67. (In Russ.)

Voitinskii V.S., Gornshtein A.Ya. 1915. Jews in Irkutsk. Irkutsk: Tipografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina. 393 p. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2017. A.E. Tretyakova and hers “Family School” in Irkutsk. *Pedagogicheskiy IMIDZH* [Pedagogical IMAGE]. No. 1. Pp. 5–13. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2014. The organization training of teachers in the Irkutsk province in the second half of the XIX – early XX centurie. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the East-Siberian State Academy of Education]. Iss. 20. Pp. 63–67. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2018a. Private national schools in Irkutsk (mid XIX – early XX centurie). *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. Pedagogical Review. Iss. 4 (22). Pp. 187–196. (In Russ.)

Garashchenko L.V. 2018b. Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX centurie). Irkutsk: Ottisk. 672 p. (In Russ.)

1902. A brief historical sketch of educational institutions of Irkutsk. *Pamyatnaya knizhka Irkutskoi gubernii na 1902 god* [The memorial book of the Irkutsk province in 1902]. Irkutsk: Gubernskaya tipografiya Publ. Pp. 117–147. (In Russ.)

1873. Summer teacher congresses and courses. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Pt. CLXVIX. September. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Pp. 30–49. (In Russ.)

Lin'kov A. 1912. A height of educational business is in East Siberia. *Sibirskii arkhiv* [Siberian archive]. No. 7. Pp. 505–543. (In Russ.)

Muromov I.G. 2015. Pictures from childhood. “*Ne zabyvaite roda svoego...*” [“Do not forget your kind ...”]. Irkutsk: Reprintsentr A1. Pp. 422–446. (In Russ.)

Oglezneva G.V., Semenova L.A. 2012. Folk education. *Irkutskii krai. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoi gubernii (oblasti) XVII–XXI vv.* [Irkutsk Territory. Four centuries: History of the Irkutsk province (region) of the XVII–XXI centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga. Pp. 197–212. (In Russ.)

1884. Pedagogical courses for teachers of elementary public schools of the Penza province in 1882. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. ССXXXIV. July. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. IV. Pp. 17–30. (In Russ.)

1882. Pedagogical courses of teachers and teachers of elementary public schools in he. Mirgorod, Gadyach and Kremenchug in 1881. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. ССXXXIII. September. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. IV. Pp. 36–60. (In Russ.)

Pomelov V.B. 2018. Teachers congresses and courses

сийской провинции // Вопросы педагогики. 2018. № 4–2. С. 53–59.

Понятовская Е.В. Педагогическая интеллигенция Восточной Сибири: исторический аспект // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 2. С. 352–367.

Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ (утв. 5 августа 1875 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXXI. Октябрь. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1875. Отд. I. С. 166–172.

Предоставление гор[одской] стипендии на высших женских курсах С.Ф. Поповой // Известия Иркутской городской думы. 1897. № 19–20. С. 757.

Сергеев Т.С. Курсовая подготовка и переподготовка учителей в педагогической системе И.Н. Ульянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2010. № 3 (67). Т. 2. С. 179–184.

Сумбурова Е.И. Педагогические курсы и учительские съезды в Самарской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования: сборник научных статей. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 447–457.

Терновая И.И., Терновой И.В. Как учились иркутяне. Иркутск: Оттиск, 2011. 260 с.

Loeb I.H., Gustavsson S. Challenges and development in and of vocational teacher education // Nordic Journal of Vocational Education and Training. 2018. Vol. 8. P. III–X. URL: http://www.njvet.ep.liu.se/issues/2018/v8/i3/01/njvet_18v8i3a1.pdf (дата обращения 05.05.2019 г.).

Сведения об авторе

Гарашченко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: glovevita@mail.ru

Критерии авторства

Л.В. Гарашченко выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

in the Russian province. *Voprosy pedagogiki* [Questions of pedagogics]. No. 4–2. Pp. 53–59. (In Russ.)

Ponyatovskaya E.V. 2009. Pedagogical intelligentsia of Eastern Siberia: a historical aspect. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. No. 2. Pp. 352–367. (In Russ.)

1875. Governed about temporal pedagogical courses for teachers and teachers of initial folk schools (ratified on August, 5 1875). *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. Pt. CLXXXI. October. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva. Sect. I. Pp. 166–172. (In Russ.)

1897. Providing of municipal grant at the higher courses for women S.F. Popova. *Izvestiya Irkutskoi gorodskoi dumy* [News of the Irkutsk City Council]. No. 19–20. P. 757. (In Russ.)

Sergeev T.S. 2010. Course training and retraining of teachers in the pedagogical system I.N. Ulyanova. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university bulletin]. No. 3 (67). Vol. 2. Pp. 179–184. (In Russ.)

2008. Sumburova E.I. Pedagogical courses and teaching conventions are in the Samara province (second half of XIX–XX of centuries began). *Problemy otechestvennoi istorii: istochniki, istoriografiya, issledovaniya* [Problems of national history: sources, historiography, research]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Pp. 447–457. (In Russ.)

Ternovaya I.I., Ternovoi I.V. 2011. How did the Irkutsk students learn? Irkutsk: Ottisk. 260 p. (In Russ.)

Loeb I.H., Gustavsson S. Challenges and development in and of vocational teacher education // Nordic Journal of Vocational Education and Training. 2018. Vol. 8. P. III–X. URL: http://www.njvet.ep.liu.se/issues/2018/v8/i3/01/njvet_18v8i3a1.pdf (дата обращения 05.05.2019 г.).

Information about the author

Liubov V. Garashchenko, Cand. Sci. (Pedagogical Sciences), associate professor of the Department of Pedagogics, Irkutsk State University, 1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation, e-mail: glovevita@mail.ru

Attribution criteria

L.V. Garashchenko made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.